

УДК 332.1

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА**А.В. Хижная, Е.Н. Назарова, Ю.С. Фролов**

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Нижний Новгород, email: xannann@yandex.ru, aniuotka.nazarowa@yandex.ru, yura.frolov.04@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты устойчивого развития регионов России в контексте остроты межрегиональных диспропорций, которые, по мнению ряда исследователей, являются одной из многолетних нерешенных проблем для отечественной экономики. На основе анализа методических подходов, представленных в работах Е.В. Корниловой, В.Я. Захарова, Д.А. Корнилова, а также данных рейтинговых агентств «РИА Рейтинг», Агентства стратегических инициатив, Национального рейтингового агентства и результатов исследований Финансового университета при Правительстве РФ, выявлены структурные различия в уровне и качестве жизни, инновационной активности, экологической безопасности и цифровизации субъектов федерации. Обосновывается вывод о том, что, несмотря на формальное единство стратегических целей пространственного развития, регионы демонстрируют разнонаправленные траектории социально-экономической динамики, что обусловлено различиями в отраслевой структуре валового регионального продукта, накопленном промышленном и кадровом потенциале, а также эффективности регионального управления. Особое внимание уделяется анализу неоднородности развития внутри федеральных округов, которая, как показано в исследовании Е.В. Корниловой и соавторов, зачастую оказывается выше, чем в среднем по стране. В работе показано, что лидирующие позиции по большинству групп показателей устойчивости занимают регионы Центрального, Северо-Западного, Приволжского и Уральского федеральных округов, в то время как субъекты Северо-Кавказского, Южного, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов сталкиваются с рисками закрепления в группе аутсайдеров. Предложены направления совершенствования региональной политики, ориентированные на снижение межрегиональной асимметрии и повышение устойчивости развития с учетом национальных особенностей и лучших практик.

Ключевые слова: устойчивое развитие, регионы России, межрегиональная асимметрия, качество жизни, инновационная активность, цифровизация, экологическая безопасность, сравнительный анализ.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS: A COMPARATIVE ASSESSMENT**A.V. Khizhnaya, E.N. Nazarova, Yu.S. Frolov**

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, email: xannann@yandex.ru, aniuotka.nazarowa@yandex.ru, yura.frolov.04@bk.ru

Abstract. The article examines the key aspects of sustainable development of Russian regions in the context of the severity of interregional disparities, which, according to a number of researchers, are one of the long-standing unresolved problems for the domestic economy. Based on the analysis of methodological approaches presented in the works of E.V. Kornilova, V.Ya. Zakharov, D.A. Kornilov, as well as data from rating agencies RIA Rating, the Agency for Strategic Initiatives, the National Rating Agency and research results of the Financial University under the Government of the Russian Federation, structural differences in the level and quality of life, innovation activity, environmental safety and digitalization of the subjects of the federation are identified. The conclusion is substantiated that, despite the formal unity of the strategic goals of spatial development, the regions demonstrate multidirectional trajectories of socio-economic dynamics, which is due to differences in the sectoral structure of gross regional product, accumulated industrial and personnel potential, as well as the effectiveness of regional governance. Special attention is paid to the analysis of heterogeneity of development within federal districts, which, as shown in the study by E.V. Kornilova and co-authors, is often higher than the national average. The paper shows that the leading positions in most groups of sustainability indicators are occupied by the regions of the Central, North-Western, Volga and Ural federal districts, while the subjects of the North Caucasus, Southern, Siberian and Far Eastern federal districts face the risks of being entrenched in the group of outsiders. Directions for improving regional policy aimed at reducing interregional asymmetry and increasing the sustainability of development are proposed, taking into account national characteristics and best practices.

Keywords: *sustainable development, Russian regions, interregional asymmetry, quality of life, innovation activity, digitalization, environmental safety, comparative analysis.*

Дата поступления статьи в редакцию: 06.04.2026

Дата принятия статьи в печать: 18.05.2026

Введение

Сохраняющийся разрыв в социально-экономическом положении субъектов Федерации остаётся одним из наиболее сложных вызовов для российской модели территориального развития. Диспропорции в доходах населения, отраслевой специализации, распределении инвестиционных потоков и темпах внедрения инноваций не просто тормозят формирование единого экономического пространства, но и создают системные риски для устойчивости национальной экономики. Исследователи, в частности Е. В. Корнилова, В. Я. Захаров и Д. А. Корнилов, обращают внимание на то, что региональная неоднородность напрямую провоцирует социальные противоречия и снижает адаптационный потенциал общества к внешним потрясениям (Корнилова и др., 2023). Проблема носит застарелый характер: разрыв в темпах экономического роста и удельном весе субъектов в совокупном ВВП фиксируется на протяжении десятилетий, причём масштаб территориального неравенства в России превосходит показатели многих стран с аналогичной площадью и масштабами хозяйства. Именно поэтому данное исследование ставит задачей не только диагностировать истоки региональных диспропорций, но и предложить практические механизмы их сглаживания в условиях структурной трансформации и санкционного давления. Отличие работы заключается в интеграции многокомпонентной оценки, где наряду с макроэкономическими параметрами последовательно учитываются социальные, экологические и технологические аспекты устойчивости [2, 6, 11].

В современной научной дискуссии устойчивость территорий обычно рассматривается через призму двух взаимодополняющих парадигм. Первая, условно обозначаемая как R-устойчивость, фокусируется на резистентности хозяйственных систем к внешним шокам и их способности к быстрому восстановлению. Вторая опирается на классическую трактовку, сформулированную в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (1987), и подразумевает развитие, не ставящее под угрозу возможности удовлетворения потребностей последующих поколений в рамках природных лимитов. Эти концептуальные основания напрямую определяют набор оценочных инструментов. На международном уровне наиболее признанными остаются индикаторные системы ОЭСР, отражающие баланс между экономическим ростом и экологической нагрузкой, а также разработки Комиссии ООН по устойчивому развитию. Важным методологическим ориентиром служат и 17 Целей устойчивого развития, принятые государствами-членами ООН в 2015 году: их тематический охват — от преодоления бедности и обеспечения базовых благ до стимулирования инноваций и климатической адаптации — задаёт комплексный вектор для региональных стратегий [9, 12].

В отечественной литературе проблема устойчивости регионов получила развитие в нескольких исследовательских направлениях. Значительный импульс дали работы школы В. К. Сенчагова, сосредоточенные на вопросах экономической безопасности территорий. С 2012 года Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ регулярно публикует методики оценки инновационной активности субъектов. Параллельно функционирует ряд прикладных рейтинговых продуктов: от индексов инвестиционного климата (АСИ) и оценок устойчивого развития (НРА) до экологических рейтингов «Интерфакс-ЭРА» и «Зелёного патруля». В аналитических разработках Финансового университета при Правительстве РФ, как отмечают Корнилова и соавторы, предложен двухфакторный подход: устойчивость оценивается через призму динамики развития (экономический, социальный, финансовый блоки) и текущего уровня развития территории (человеческий и производственный капиталы). Сочетание этих осей позволяет выстроить матрицу, дифференцирующую регионы на три кластера — с устойчивой траекторией, находящиеся в зоне риска и демонстрирующие неустойчивое развитие. Несмотря на обилие аналитических инструментов, единая методологическая база пока не сформирована: различия в исследовательских задачах, качестве статистических данных и глубине территориального разреза не позволяют выработать универсальный оценочный стандарт [1, 4, 8, 13].

Цель исследования

Целью исследования стало выявление ключевых факторов, определяющих дифференциацию регионов России по уровню устойчивости развития, а также оценка того, как существующие методики позволяют ранжировать субъекты федерации и выявлять проблемные зоны. Для достижения этой цели авторами были поставлены следующие задачи: провести обзор и систематизацию существующих методических подходов к оценке устойчивого развития регионов; выделить основные группы показателей, характеризующих устойчивость; выполнить сравнительный анализ позиций регионов в различных рейтингах и методиках; выявить институциональные и структурные ограничения, сдерживающие повышение устойчивости развития в отдельных субъектах и федеральных округах; предложить направления совершенствования региональной политики с учетом выявленных диспропорций.

Материал и методы исследования

В основу работы положен метод качественного и количественного сравнительного анализа, позволяющий сопоставить уровень устойчивости развития регионов России на основе данных официальной статистики и результатов рейтинговых исследований. Эмпирическую базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), представленные в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели», а также материалы рейтинговых агентств: «РИА Рейтинг» (рейтинг социально-экономического положения регионов), Национального рейтингового агентства (рейтинг устойчивости развития регионов за 2024 год), результаты исследований Финансового университета (методика оценки устойчивости регионов России) и данные проекта «Интерфакс-ЭРА». Важным источником послужила научная статья Е.В. Корниловой, В.Я. Захарова и Д.А. Корнилова, в которой представлена авторская методика нормирования пяти групп показателей и результаты ранжирования 82 регионов [13].

Особое внимание в исследовании уделено анализу индикаторов, отражающих различные аспекты устойчивости. Вслед за Е.В. Корниловой и соавторами, авторы используют группировку показателей по пяти направлениям: оценка доходов и занятости населения (включающая отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму, ВРП на душу населения, размер жилья на одного жителя, уровень безработицы, уровень образования); оценка здорового образа жизни (ожидаемая продолжительность жизни, общая заболеваемость, доля граждан, систематически занимающихся физкультурой и спортом, обеспеченность врачами); оценка инновационной активности (доля отгруженной инновационной продукции, число занятых научными исследованиями, внутренние затраты на НИОКР к ВРП, число поданных заявок на изобретения); экологические показатели (сброс загрязненных сточных вод, выбросы загрязняющих веществ, лесовосстановление, улавливание загрязняющих веществ, текущие затраты на охрану окружающей среды); оценка цифровизации (использование ИКТ в бизнесе и домашними хозяйствами, использование интернета населением).

Методология исследования также включает элементы ретроспективного анализа, позволяющего проследить эволюцию региональной политики и изменение позиций субъектов федерации в динамике. Такой подход дает возможность выявить не только текущие различия в устойчивости, но и понять глубинные институциональные и структурные факторы, предопределившие траектории развития. Для анализа причин межрегиональной асимметрии привлекались данные о структуре ВРП по видам экономической деятельности, публикуемые Росстатом, а также результаты исследований, посвященных проблемам моногородов, социально-экономическое положение которых, как отмечают Е.Г. Ивашкин, Д.Н. Лапаев и Д.А. Корнилов, требует особого внимания. В работе также использованы данные о межрегиональной миграции и демографических тенденциях, опубликованные в открытых источниках.

Результаты исследования

Сопоставление методических инструментов и рейтинговых систем, разработанных для измерения устойчивости развития субъектов Российской Федерации, формирует достаточно подробную картину пространственных диспропорций. Наиболее представительной и в то же время наглядной представляется схема, предложенная Е.В. Корниловой, В.Я. Захаровым и Д.А. Корниловым. Опираясь на статистические данные Росстата за 2020 год, исследователи стандартизировали 21 показатель, сгруппировав их в пять блоков для 82 регионов (без учёта недавно

вошедших в состав страны территорий), и выстроили итоговый рейтинг, где с помощью цветового кодирования отчётливо видны позиции каждого субъекта. Полученные результаты свидетельствуют: неоднородность развития сохраняется на уровне как федеральных округов в целом, так и внутри них, а в некоторых округах внутрирегиональные контрасты могут оказаться даже более глубокими, чем в среднем по стране [2, 5, 10].

При рассмотрении группы индикаторов, связанных с доходами и рынком труда, обнаруживается устойчивая закономерность: наиболее высокие результаты фиксируются у территорий, экономическая специализация которых опирается на добычу сырья либо концентрацию финансовых потоков. Согласно расчётам Корниловой с соавторами, верхнюю строчку занял Чукотский автономный округ, далее следуют Тюменская и Магаданская области. Состав первой десятки лишён однородности: Дальневосточный округ представлен тремя регионами (Чукотка, Магаданская и Сахалинская области), Уральский — одним (Тюменская область), Приволжский — одним (Татарстан), Северо-Западный — одним (Санкт-Петербург), тогда как Центральный федеральный округ сконцентрировал сразу шесть позиций — Москву, Московскую, Белгородскую, Воронежскую, Калужскую и Липецкую области. Особый акцент делается на сверхконцентрации экономического потенциала в столице: на долю Москвы приходится более половины суммарного вклада всех городов-миллионников в национальную экономику. Противоположный полюс образуют субъекты с хронически низкими параметрами, главным образом республики Северного Кавказа (Ингушетия, Чечня, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, а также Ставропольский край), отдельные территории Сибири (Алтай, Тыва), Урала (Курганская область) и Юга России (Калмыкия, Крым). Масштаб расслоения впечатляет: как отмечено в исследовании со ссылкой на выступление Президента РФ, суммарные доходы пяти самых обеспеченных и пяти наименее обеспеченных регионов различаются в 43 раза — цифра, красноречиво отражающая глубину территориальной асимметрии [7, 10, 12].

Перенос акцента на индикаторы, характеризующие приверженность здоровому образу жизни, заметно меняет конфигурацию рейтинга. В лидирующую группу, по сведениям Корниловой и коллег, попали Москва, Астраханская и Сахалинская области, ряд северокавказских республик (Кабардино-Балкария, Дагестан, Северная Осетия–Алания, Чечня), а также Воронежская, Курская, Тамбовская области, Краснодарский и Ставропольский края, Тюменская область. Список замыкает Еврейская автономная область. Обращает на себя внимание своеобразный парадокс: высокие места достаются не только привычно благополучным по экономическим меркам регионам, но и субъектам Северного Кавказа с относительно невысокими доходами. Это объясняется демографическими особенностями и стойкостью культурных норм, поощряющих физическую активность, сохранение традиционного образа жизни и социальную спаянность. В то же время межрегиональные различия по ожидаемой продолжительности жизни, заболеваемости и обеспеченности медицинскими кадрами сохраняются значительными, что подтверждает необходимость адресной корректировки федеральных программ в области здравоохранения и демографической политики [3, 6, 8, 12].

Оценка инновационной активности фиксирует устойчивое доминирование сложившихся научно-технических центров. Первую строчку занимает Санкт-Петербург, за ним — Московская область и Москва, пятёрку лидеров замыкают Томская и Новосибирская области. Отличительной чертой сложившейся расстановки сил выступает преимущество Приволжского федерального округа: Нижегородская, Ульяновская области, Татарстан, Мордовия и Пермский край последовательно размещаются на позициях со второго по десятое. Вместе с тем за этим «авангардом» просматриваетсястораживающая тенденция: почти 40 % субъектов концентрируются в нижней части распределения (с 30-го по 38-е места), что говорит о застое инновационного потенциала на обширной части территории страны.

Пространственное распределение цифровой инфраструктуры, оценённое через проникновение информационно-коммуникационных технологий в деловую среду, домохозяйства и повседневные практики жителей, подчиняется собственной специфической логике. Нестандартным лидером оказалась Магаданская область, оставившая позади Московскую область и Санкт-Петербург. Примечательно, что порядка трети регионов сгруппированы в верхней десятой части рейтинга, что свидетельствует об успешной адаптации ряда субъектов к цифровой трансформации. При этом аутсайдеры образуют выраженный периферийный кластер: последние позиции занимают Республика Дагестан (36-е место), Мордовия (35-е), Ульяновская и Костромская области

(по 34-ю строчку), Карачаево-Черкесская и Чувашская Республики (33-е), Севастополь (32-е), Еврейская автономная область (31-е) и Волгоградская область (30-е). Авторы подчёркивают, что складывающийся цифровой разрыв трансформируется в самостоятельный структурный вызов: он напрямую ограничивает доступ граждан и компаний к современным сервисам, образовательным ресурсам и цифровым рынкам, воспроизводя механизмы территориального неравенства уже в новой технологической реальности.

Сводя воедино результаты по пяти блокам показателей, Е.В. Корнилова, В.Я. Захаров и Д.А. Корнилов заключают, что наилучшие позиции по большинству направлений занимают регионы Центрального федерального округа. Достаточно высокие значения демонстрируют также субъекты Северо-Западного, Приволжского и Уральского федеральных округов. Наихудшие итоги зафиксированы в четырёх округах: Северо-Кавказском, Южном, Сибирском и Дальневосточном. При этом внутри них заметна глубокая дифференциация. Например, в Дальневосточном округе, который в целом характеризуется невысокими значениями, имеются регионы-флагманы по отдельным направлениям (Чукотка и Магаданская область — по доходам и цифровизации, Сахалинская область — по здоровому образу жизни). В Сибирском округе по инновационной активности выделяются Томская и Новосибирская области [1, 4, 7].

Данные Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ за 2025 год подтверждают сохранение выраженной концентрации научно-технического потенциала. Москва восьмой год подряд лидирует с индексом 0,6543, сохраняя заметный отрыв от ближайших преследователей — Республики Татарстан (0,5851) и Нижегородской области (0,5592). Санкт-Петербург, расположившийся на четвёртой позиции (0,5521), напротив, несколько потерял в динамике по сравнению с предыдущим замером. Эксперты связывают текущий расклад с институциональными сдвигами на местах: как отмечает руководитель Центра «Российская кластерная обсерватория» ИСИЭЗ Е. Куценко, создание профильных координационных советов при главах субъектов действительно снижает межведомственную фрагментацию и облегчает реализацию сложных научно-технических проектов. Однако, по его словам, этот положительный вектор перечёркивается урезанием федеральных финансовых вливаний, тогда как порождение и коммерциализация нововведений по-прежнему требуют долгих инвестиций. В такой ситуации опыт Томской области заслуживает отдельного внимания: регион поднялся с седьмой на пятую строчку (индекс 0,5477). Заместитель губернатора Л. Огородова подчёркивает, что ключевым двигателем прогресса остаётся кадровая основа: субъект вновь занимает первое место в стране по индексу «Научно-технический потенциал», показывая стабильные результаты в подготовке исследователей высшей квалификации, эффективности НИОКР и рациональном распределении средств. Эта траектория наглядно демонстрирует, что при умелой опоре на местные компетенции и системной поддержке науки даже в условиях бюджетных стеснений регионы способны усиливать свои позиции в национальном инновационном рейтинге.

Динамика, впрочем, неодинакова. Воронежская область, согласно тому же рейтингу, оказалась лишь на 44-й позиции, спустившись за год на 12 строчек. В региональном министерстве экономического развития пояснили, что, несмотря на формальную утрату мест, «сводный индекс нашего субъекта Федерации вырос на 5,9% в абсолютном выражении», что говорит о росте инновационной активности в целом по стране. Аналитики ИСИЭЗ приводят детализацию по пяти тематическим индексам. По индексу инновационной деятельности (ИИД) второй год подряд лидирует Татарстан (0,6651), тогда как аутсайдером выступает Ненецкий автономный округ (0,0112). По индексу качества инновационной политики (ИКИП) Татарстан также сохраняет первенство (0,8893). По индексу научно-технического потенциала (ИНТП) верхнюю позицию удерживает Томская область (0,5745) [10,12,13].

Нижнюю планку инновационного рейтинга ВШЭ фиксируют субъекты с застойным научно-техническим потенциалом: Ненецкий автономный округ (0,1599), Чукотский автономный округ (0,1327) и Республика Ингушетия (0,1298). Примечательно, что тройка аутсайдеров осталась неизменной по сравнению с прошлым периодом наблюдений. Параллельно исследователи констатируют нарастающую поляризацию: удельный вес регионов, отстающих от Москвы менее чем на 40 % по сводному индексу, последовательно снижается — с 51,7 % двумя годами ранее до 43,5 % в прошлом году и до 39,3 % в текущем замере. Подобная динамика свидетельствует не просто о лидерстве столицы, а о системном углублении расхождения между технологическим авангардом и периферией инновационного процесса.

Экологическая компонента устойчивости демонстрирует принципиально другую пространственную конфигурацию. В соответствии с расчётами Е.В. Корниловой и соавторов, первое место по комплексу экологических индикаторов заняла Вологодская область. В лидерскую группу также вошли Магаданская, Архангельская, Ростовская, Липецкая, Костромская и Ленинградская области, Удмуртская Республика, Свердловская и Мурманская области, Татарстан, Пермский край, Кировская область, Чукотский автономный округ и Камчатский край. Характерный парадокс: Санкт-Петербург, удерживающий высокие позиции в экономических и инновационных рейтингах, оказывается замыкающим по экологической шкале, что лишней раз подтверждает отсутствие автоматической связи между хозяйственной мощностью и качеством природной среды [7, 10, 12].

В 2024 году к проблематике экологической оценки подключился и парламентский уровень: Государственная Дума РФ представила альтернативный рейтинг, сконцентрированный на результативности выполнения регионами мероприятий национального проекта «Экология». Как пояснил председатель профильного комитета Д. Кобылкин, завершение нацпроекта высветило значительные расхождения между формальной документацией и фактическими сдвигами, что потребовало разработки инструмента для ежегодного отслеживания продвижения к национальной цели «Экологическое благополучие». Построенная методика распределяет субъекты по четырём группам исполнения. Наивысший уровень («отличники», 18–16 баллов), полностью справившийся с федеральными проектами, составили Липецкая и Московская области, Республика Крым, а также несколько северокавказских республик — Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чечня и Ингушетия. Тридцать три региона, включая обе столицы, отнесены к категории «удовлетворительно» (15–13 баллов). Самой массовой группой (35 субъектов) стали «среднячки» (12–8 баллов), куда попали Белгородская, Новосибирская, Кемеровская, Курганская, Самарская, Сахалинская и Магаданская области [6, 10]. В «красную зону» (7 баллов и ниже) попали Тверская, Ярославская, Вологодская области, Дагестан, Ульяновская область, Тыва, Хакасия, Омская область и Забайкальский край. По словам Е. Пановой из РГГРУ им. Орджоникидзе, методика задумывалась именно как инструмент упреждающего контроля: её задача — своевременно фиксировать отставание и адресовать корректирующие сигналы региональным администрациям, не дожидаясь завершения проектных циклов, а не констатировать неудачи задним числом.

Судя по данным Общероссийской общественной организации «Зелёный патруль», обновившей «Национальный экологический рейтинг» по итогам зимы 2025 года, Тамбовская область удержалась на пятом месте, которое занимала и осенью 2024 года. Лидером рейтинга стала Республика Алтай, вторую строчку заняла Мурманская область, третью — Москва, четвёртую — Кабардино-Балкария. Составители рейтинга обращают внимание на то, что формируют его с 2007 года, и Тамбовская область лидировала в нём на протяжении двенадцати лет, уступив первенство Москве лишь зимой 2024 года.

Измерение цифровой зрелости субъектов, выполненное Е.В. Корниловой и коллегами на базе трёх ключевых индикаторов (проникновение ИКТ в деловую среду, быт и повседневные практики населения), выявляет неочевидную пространственную картину. Лидером неожиданно выступила Магаданская область, обогнавшая Московскую область и Санкт-Петербург. Обращает на себя внимание тот факт, что почти 30 % регионов сгруппированы в высшем дециле, что указывает на результативную адаптацию целого ряда территорий к процессам цифровизации и достаточно высокий уровень инфраструктуры у передовых игроков. В то же время на противоположном полюсе формируется устойчивое ядро отстающих: нижние позиции занимают Дагестан (36-я строка), Мордовия (35-я), Ульяновская и Костромская области (обе 34-е), Карачаево-Черкесия и Чувашия (33-е), Севастополь (32-е), Еврейская автономная область (31-е) и Волгоградская область (30-е). Такая география подтверждает существование заметного цифрового разрыва, который превращается в структурное препятствие, сужающее равные возможности граждан и бизнеса по использованию современных сервисов, образования и электронных рынков.

Вопросы территориальной неоднородности уже давно переросли границы ведомственной статистики и стали предметом острой методологической дискуссии в экономической науке. В публикации журнала «Регион: экономика и социология» Ю.С. Ершов обоснованно указывает на узость традиционных подходов: попытки измерить глубину межрегиональных разрывов исключительно с помощью легкодоступных показателей (ВРП на душу, средняя зарплата, денежные доходы) не только не раскрывают всей полноты структурных факторов, но и обладают склон-

ностью искусственно раздувать масштаб дифференциации. В ответ на этот вызов Е.Д. Леонтьев (Юго-Западный государственный университет) предлагает перейти к более многомерному инструментарию. Его методика предполагает расчёт размаха межрегиональной асимметрии, коэффициента вариации и специального индекса региональной асимметрии, а для верификации статистической значимости обнаруженных различий рекомендует применять индекс Рябцева. Такой аппарат даёт возможность отделить объективные структурные подвижки от случайных колебаний и формировать более сбалансированную региональную политику, опирающуюся на точную диагностику территориальных диспропорций.

Что касается демографической динамики, в 2024 году, по сведениям Росстата, во всех областях Черноземья зарегистрировано сокращение населения. Как сообщает газета «Коммерсантъ», «наиболее заметна тенденция в Белгородской области, где численность жителей уменьшилась на 19,6 тыс. человек, и в Воронежской области (сокращение на 13,8 тыс. человек)». Эксперты связывают это с рекордным падением рождаемости на фоне опережающей смертности и прогнозируют достижение «демографического дна» через три года. Наименьшее среди чернозёмных субъектов снижение зафиксировано в Тамбовской области — на 5,1 тыс. человек. В настоящее время там, по данным статистики, проживает 946 тыс. человек.

Заключение

Сопоставительное рассмотрение параметров устойчивости российских регионов даёт основания для ряда заключений, значимых и для объяснения источников территориальных дисбалансов, и для выстраивания действенной государственной региональной стратегии.

Прежде всего, материалы анализа подтверждают, что межрегиональная поляризация в стране остаётся критически глубокой и воспроизводится во времени. Дистанция между ведущими субъектами — в первую очередь Москвой, Санкт-Петербургом, сырьевыми территориями и промышленно развитыми областями — и замыкающими (главным образом северокавказскими республиками, частью сибирских и дальневосточных регионов) фиксируется по всем базовым индикаторам: доходам, состоянию рынка труда, инновационной динамике, качественным характеристикам социальной сферы и проникновению цифровых технологий. Исследователи Е.В. Корнилова с коллегами специально акцентируют, что размах неоднородности внутри отдельных федеральных округов способен превышать средний по стране, а это требует корректировки диспропорций не только на макроуровне, но и в межрегиональном разрезе.

Определяющим обстоятельством, задающим устойчивость территорий, выступает хозяйственная специализация. Субъекты с многоотраслевой промышленностью, значительным удельным весом перерабатывающих производств и развитой сервисной экономикой демонстрируют более высокие и предсказуемые результаты. Напротив, регионы, экономика которых завязана на добычу ресурсов, чувствительны к рыночной волатильности, а территории с доминированием аграрного сектора и слабой индустриализацией сталкиваются с дефицитом возможностей для технологического обновления и повышения производительности. Отдельную зону уязвимости образуют монопрофильные населённые пункты, чья социально-экономическая стабильность напрямую увязана с работоспособностью градообразующих предприятий.

Результативность федеральной региональной политики, как показывают сопоставления, задаётся не столько абсолютными объёмами перераспределяемых средств, сколько их целевым характером и качеством институтов на местах. Практика таких лидирующих субъектов, как Татарстан, Нижегородская и Томская области, свидетельствует: стабильный прогресс достигается там, где долгосрочное стратегическое целеполагание сопрягается с вложениями в человеческий потенциал и формированием институциональных условий, благоприятных для деловой активности. В то же время опыт территорий, годами получающих крупные дотационные вливания, со всей очевидностью показывает необходимость смещения акцентов с пассивной поддержки на стимулирование собственной экономической базы и повышение качества управленческих практик на уровне субъектов.

Обобщая полученные наблюдения, можно предложить несколько направлений для совершенствования политики устойчивого регионального развития. Оптимальным видится переход от фрагментарных поддерживающих интервенций к системным действиям, ориентированным на формирование территориально-производственных кластеров, выращивание локальных точек роста и повышение связности хозяйственного пространства. Существенным резервом высту-

пает укрепление координационных механизмов между федеральными структурами, субъектами и муниципалитетами в ходе реализации национальных проектов и государственных программ — это позволит избежать распыления бюджетных ресурсов и нарастить синергию. Самостоятельного внимания заслуживает развитие инновационной инфраструктуры и поддержка научно-образовательных центров в тех регионах, где уже накоплен серьёзный кадровый и научно-технологический потенциал. Наконец, в логике продолжающейся цифровой трансформации хозяйства крайне важно не ослаблять усилий по сокращению цифровых разрывов, гарантируя населению и бизнесу на всей территории федерации равный доступ к современным технологическим решениям и сервисам.

В итоге концепция устойчивого развития российских регионов предстаёт как многомерное и внутренне противоречивое полотно, где успешные модернизационные кейсы переплетаются с институциональными барьерами, ограничивающими рост отдачи. Сравнительный анализ этой картины не только углубляет понимание логики территориальной динамики в разных социально-экономических контекстах, но и позволяет формулировать более обоснованные подходы к выстраиванию региональной политики, одновременно учитывающей общенациональные ориентиры и специфику каждого отдельного субъекта.

Литература

1. Батракова Л.Г. Социально-экономическое неравенство регионов России // Теоретическая экономика. 2021. № 10 (82). С. 125-128. EDN: AEXQDU.
2. Вертакова Ю.В., Положенцева Ю.С., Масленникова В.В. Трансформация промышленности в условиях цифровизации экономики: тренды и особенности реализации // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 7 (189). С. 491-503. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-7-491-503 EDN: SXEEYW.
3. Кузнецова С.Н., Назарова А.Н., Назарова Е.Н. и др. Зеленая экономика и устойчивое развитие промышленных парков // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8, № 2. DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_2_59 EDN: ONOEPQ.
4. Сенчагов В.К., Максимов Ю.М., Митяков С.Н., Митякова О.И., Поляков Н.Ф., Митяков Е.С., Пальцев В.В. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России: монография. М., 2013. 683 с. ISBN: 978-5-86476-373-5 EDN: TNFUVL.
5. Корнилова Е.В., Захаров В.Я., Корнилов Д.А. Оценка устойчивого развития и формирование рейтинга устойчивости регионов страны // Развитие и безопасность. 2023. № 1. С. 36-48. DOI: 10.46960/2713-2633_2023_1_36 EDN: TARGFA.
6. Михеева Н.Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 106-118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118 EDN: CAARNS.
7. Назарова Е.Н. Дефицит кадров в области устойчивого развития в Нижегородской области // Экономическое развитие России: тенденции, перспективы, Нижний Новгород, 25 апреля 2024 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, 2024. С. 126-130. EDN: SFHZZX.
8. Назарова Е.Н., Бакулина Н.А. Концепция устойчивого предпринимательства на примере российских компаний // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: Материалы XII Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 29 мая 2024 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева, 2024. С. 264-267. EDN: BJSUJW.
9. Назарова Е.Н. Особенности устойчивого предпринимательства // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики: Сборник научных статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах, Курск, 25 апреля 2024 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 336-339. EDN: ISHLZB.
10. Устойчивое развитие экономики России: монография / кол. авторов; под ред. М. Ю. Малкиной, В. Я. Захарова. М.: РУСАЙНС, 2022. 172 с.
11. Халадов Х.А.С., Бугайчук Т.В., Медведева Т.Ю., Вотинцев А.В. Ценностно-мотивационная сфера студентов - будущих педагогов и воспитательная среда вуза // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 4 (53). DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-4-1 EDN: MKCZCW.
12. Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации России: монография / кол. авторов; под ред. М. Ю. Малкиной, В. Я. Захарова. М.: РУСАЙНС, 2022. 268 с.
13. Сенчагов В.К., Митяков С.Н., Митяков Е.С., Романова Н.А. Экономическая безопасность регионов России: монография. Нижний Новгород, 2012. 298 с. ISBN: 978-5-901956-55-7 EDN: HRBYGP.